

ОСОБЕННОСТИ УЗУСА ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

*Работа представлена кафедрой теории и методологии перевода Высшей школы перевода
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. К. Гарбовский*

В языкознании остро стоит соотношение понятий узуса и языковой нормы. Узус русского и французского языков нередко не соответствует или противоречит языковой логике, в частности это проявляется в выражении движения в языках. В настоящей статье систематизированы примеры узуального употребления, не соответствующего или противоречащего языковой логике.

Ключевые слова: узус, языковая логика, норма, движение, направление, способ.

S. Ushakov

PECULIARITIES OF THE USAGE WHILE DESCRIBING MOTION PROCESSES IN RUSSIAN AND FRENCH

The correlation between the notion of usage and that of a linguistic norm is still not unanimously determined in linguistics. The usage in Russian and French may not correspond or even conflict with the logic of the language. The author of the paper presents the most common examples of this inconsistency both in Russian and French.

Key words: usage, logic, norm, motion, movement, direction, means.

Прежде всего необходимо несколько слов сказать о том, что такое узус и почему он представляет особый интерес для исследования в области выражения движения. **Узус** (от лат. *usus* – применение, обычай, правило) – общепринятое носителями данного языка употребление языковых единиц (слов, устойчивых оборотов, форм, конструкций). Данное простое на первый взгляд определение вскрывает множество противоречий и нуждается в подробных комментариях.

Хотя наиболее широко проблема узуса рассматривалась Есперсеном, Ельмслевым и некоторыми другими, многие лингвисты до сих пор спорят о соотношении узуса и языковой нормы. Есть точка зрения о том, что норма является более абстрактным понятием, нежели узус, т. е. узус – частное проявление нормы в языке. Есть точка зрения о том, что узус и норма – понятия, имеющие нечто общее между собой (логически пересекающиеся категории). Существуют наконец лингвисты, считающие языковую норму и узус тож-

ественными понятиями. Таким образом, видно, что слово *узус* употребляется крайне широко. Чтобы легче было оперировать понятиями, необходимо дать определение *языкового кода*.

Емкое определение дает Е. В. Ерофеева, частично заменяя понятие *язык*, понятием *кода*. По Ерофеевой, код – «такая языковая система, которая является “самодостаточной”, в том смысле, что может функционировать (служить для коммуникации) без привлечения единиц других систем». Это определение кажется нам достаточным для описания таких понятий, как узус и норма. Не лишним будет отметить здесь дихотомию языкового кода и реализации языка: при более развитом коде речь потенциально более кратка и лаконична, так как для выражения мельчайших компонентов смысла существуют определенные инструменты в достаточном количестве. Это дихотомия тесно связана с дихотомией Соссюра «речь – язык», которая была существенно расширена датским

лингвистом Луи Ельмслева, который ставил узус в цепочку *схема* → *норма* → *узус* → *речевой акт*. Из цепочки видно, что норма является, по Ельмслеву, более крупным понятием, а узус – частным проявлением нормы.

Есперсен выделял три типа узуса:

- употребление понятное, удовлетворяющее простейшему минимуму коммуникации;

- употребление корректное, соответствующее требованиям языковой нормы;

- употребление хорошее, т. е. максимально эффективное, соответствующее более высокому, по сравнению с корректным, стандартам ясности либо красоты речи и вследствие этого вызывающее восхищение аудитории.

Таким образом, по Есперсену, узус многообразен и может являть собой как частное проявление языковой нормы, так и представлять саму языковую норму в речевом акте. Более того, можно сделать еще один вывод: узусальное употребление может как противопоставляться окказиональному (временному, индивидуальному, обусловленному специфическим контекстом) употреблению, так и языковой норме – в первом типе, по Есперсену, так как акт коммуникаций может состояться и при нарушении языковой нормы.

Под узусом также иногда понимаются и «частные» нормы, отличающиеся от нормы литературного языка; в этом смысле говорят об узусах профессиональных (например, узусе научного изложения), узусах социальных групп, узусе обиходного общения и т. п. Узус, будучи тесно связанным с языковой нормой, тем не менее отличен от нее, как мы видели. Явление узуса может фиксироваться словарями (толковыми, фразеологическими, орфографическими и т. п.) и далее кодифицироваться в языковую норму. Однако нередки и случаи, когда словари не фиксируют проявления узуса, даже если подобные проявления регулярны и протекают в широких масштабах.

Из цепочки, которую построил Ельмслев, следует, что узус соотносится скорее с речевым актом, чем с языком как системой. Это заставляет нас предполагать и утвер-

ждать, что узус может противоречить *языковой логике*, которая является системообразующей. Под *языковой логикой* мы понимаем систему отношений между категориями внутри отдельно взятой языковой системы (языка), которая тесно связана с типом мышления, отраженного в этом языке. Внутренняя языковая логика определяет формальные отношения между словами, наличие и функционирование лексических, грамматических и иных категорий (нас интересуют в первую очередь лексические и грамматические), а также устанавливает нормы на каждом из уровней.

Узус, как было уже показано выше, может соответствовать языковой норме, а может противоречить ей. Противоречие узуса является ненормативным употреблением, однако если такое употребление принимает массовый характер, формируется новая норма. Иными словами, мы опять возвращаемся к соотношению понятий «узус» – «языковая норма», которое было описано выше.

Узус также может противоречить языковой логике. Эта комбинация является исключительной, так как при этом не всегда нарушается языковая норма. Подобные противоречия представляют особый интерес, и хотелось бы на них остановиться подробнее. Таким образом, вырисовывается парадокс: узус – естественный, привычный способ выражать свои мысли, противоречащий языковой логике.

В настоящее время мы занимаемся исследованием логико-философской категории движения и ее способов выражения в русском и французском языках, а также проблемах перевода с русского языка на французский. Нами собран значительный практический материал – более 8000 единиц из различных источников (пресса, художественная литература, ежедневное живое общение и др.) на русском и французском языках. В данной семантической области исследование узуса представляет особый интерес, так как движение как логико-философская категория движения является крайне сложной по составу и сложность эта находит свое отражение в системе языка, задействуя различные языковые инструменты и механизмы.

Среди собранных и проанализированных предметов мы решили отобрать те, в которых узуальное употребление не соответствует или противоречит языковой логике. В результате анализа примеров для русского языка были выявлено несколько случаев, которые было решено сгруппировать по сходству.

Итак, начнем с системы русского языка.

1. Подмена видов глагола. Довольно часто при описании ситуации в прошлом, даже если действие имеет результат в настоящем и этот результат актуален в момент коммуникации, используется глагол несовершенного вида, например: *Он вчера туда ездил*.

Вполне вероятно, движение совершилось однократно (по направлению в определенное место, затем был совершен обратный путь), ситуация явно видится законченной, с имеющимся результатом, и в таком случае по логике необходимо было употреблять глагол совершенного вида, однако его употребление нередко смотрится чужеродно в подобных примерах. Еще пример: *Умеет ли он плавать?* – *Да, он уже нырял*. В примере нет указаний на многократность действия (*нырял*), глагол может выражать как однократное, так и неоднократное действие. Указание на процессуальность, что является прерогативой форм несовершенного вида, отсутствует, однако результат актуален для момента речи.

2. Употребление глагола *быть* вместо глаголов движений. Это характерно для многих языков, в том числе и для французского. Очевидно, что сам по себе глагол *быть* не является глаголом, обозначающим действие. Его основная категория – это состояние. Тем не менее, из многочисленных примеров, которые мы проанализировали, видно, что он принимает активное участие в описании процесса движения. Глагол *быть* может описывать ситуацию, в которой движение совершалось (совершается, совершится) по направлению в место назначения и обратно: *Я раз насили ноги унес, а еще у мирнова князя был в гостях* (1) (то есть *ходил в гости и вернулся оттуда*). Глагол *быть* с высокой частотностью употребляется в значении «прибывать», «приезжать», «приходить куда-либо»:

– Вы когда приедете?

– Буду через 15 минут.

С точки зрения логики и формальной грамматики *буду* описывает обычное местонахождение человека через 15 минут после момента речи. Однако коммуникативная ситуация такова, что человек еще не находится в том месте, о котором говорит. Действие изображается опосредованно – через место назначения. Это и есть узуальное употребление слова, и оно не всегда фиксируется в словарях.

3. Использование одних глаголов движения в значении других (дифференцирующий признак – направление движения) без какого-либо переноса или переакцентуации значения. Пример:

– Дети, идите скорее ужинать!

– Уже идем (бежим).

Здесь нарушается логика, так как первая реплика должна была содержать глагол, который имеет в своем значении идею приближения (*приходить/прийти*), так как говорящий изъявляет желание, чтобы другие субъекты осуществили движение по направлению к нему, причем ситуация явно предполагает завершенность, результативность действия. Однако формы вроде *придите* оказываются неуместными в подобной ситуации. То же самое происходит со второй репликой, вместо глагола *идти* там тоже теоретически должен был быть глагол со значением прихода, прибывания в какое-либо место. Характерно для русского языка и то, что при некоторой модификации высказывания (распространение обстоятельствами) эти глаголы становятся возможными:

– Ты скоро придешь? Я уже долго жду.

– Да, скоро приду.

4. Использование одних глаголов движения в значении других с переносом значения. Речь идет о том, что в зависимости от того, как мы хотим изобразить процесс движения, мы можем прибегать к глаголам, которые его никак не могут выражать при нормальных условиях, например, из-за соотнесенности со средой. Наиболее характерные переносы: скорость (лететь, ползти, идти, тащиться); трудность совершения движения (ползти). Примеры:

Алексей влетел в комнату и застал их врасплох.

На всем перегоне поезд еле полз, то и дело останавливаясь.

5. Отсутствие глаголов движения или выражение движения междометием или номинативной пропозицией. Данный случай также можно отнести к узусу, так как номинативные предложения обычно описывают среду или какое-либо состояние, но редко – движение в самом процессе. Пример:

Казбич вздрогнул, переменился в лице – и к окну.

6. Логика оппозиции *внутри – снаружи*. Если в ситуации одним из локутивов является здание, дом, квартира и пр., то снаружи в большинстве случаев будет передаваться обстоятельством *на улице (на улицу* – если речь идет о движении наружу). В подобной ситуации будет сказано «Он вышел на улицу», даже если рядом с домом нет улицы, но есть, к примеру, двор.

7. Совпадение предлогов и приставок глаголов движения. В данном случае можно говорить о том, что узואльное употребление стало нормой. Во многих случаях предлог при объекте дублирует глагольную приставку, отсутствие дублирования считается нарушением нормы.

Для французского языка после анализа многочисленных примеров из прессы, художественной литературы, ежедневного общения носителей языка были выявлены следующие случаи и факты.

В большинстве случаев при описании процесса движения отсутствует или неактуален компонент, отвечающий за способ перемещения. При актуализации этого компонента в речевой акт включаются соответствующие обстоятельства. Но глаголы, участвующие в описании движения, используются с довольно высоким уровнем абстракции. Во французском описании движения основное внимание уделяется направлению движения, причем носитель французского языка видит это направление нередко иначе, чем русскоговорящий, в связи с чем при переводе возникают проблемы.

Когда мы говорили о неактуальности способа перемещения, мы имели в виду не

только сам глагол, но и все высказывание в целом. Когда компонент смысла, отвечающий за способ перемещения, актуализируется, он реализуется не в самом глаголе-предикате, но в обстоятельствах образа действия, которые могут быть выражены существительными с предлогами, наречиями и даже глагольными формами – деепричастиями, при этом сам глагол, выполняющий функцию предиката, остается более абстрактным.

Простой пример: во французском языке есть глагол *courir*, эквивалентный вне контекстов русскому глаголу *бежать*. Однако при описании ситуации с однонаправленным конкретным движением его употребление не отличается высокой частотностью. В большинстве случаев будут употребляться глаголы с более высокой абстрактностью: *aller, venir, partir, arriver*, при необходимости выделения способа (и скорости) перемещения, глагол *courir* принимает форму герундия и становится при глаголе-предикате: *Il est entré en courant*. Данный пример можно рассматривать как неполное соответствие языковой логике, поскольку потенциально глагол *courir* мог бы нести основное описание движения, а направление можно было бы в зависимости от ситуации передать локативом с предлогом, выражающим проникновение внутрь (*en, dans*). Однако на практике такая конструкция не встречается (отметим, что возможны варианты *Il a couru vers elle*).

Еще одной особенностью узуса французского языка при описании процесса движения является наличие конкретных глаголов движения, содержащих в себе компонент направления. Характерными глаголами является глагол *accourir* и некоторые другие. Их особенность состоит в том, что они крайне редко либо никогда не употребляются в качестве предиката или вообще при описании процесса движения. К примеру, из 8000 собранных примеров подобный случай нам встретился один раз. Подобные глаголы, впрочем, употребляются широко в переносном значении (*survoler une question, accourir au secours de qn*). Таким образом, видно, что многие средства и инструменты французского

языка в речи не задействуются или задействованы непрямо.

Для описания процессов движения во французском языке также наблюдается подмена глагольных времен, а точнее, перенос их значений с одного времени на другое. Подобное употребление нередко носит стилистический характер. Так, в значении ближайшего будущего совершенного действия может выступать прошедшее время *Passé Composé*, время *Plus-que-Parfait* используется для выражения предшествования в прошлом не только точечных действий, но и регулярно повторяющихся (выраженных временем *Im-*

parfait). Сильное влияние имеет настоящее время *Présent*, которое часто используется и для описания движения в прошлом, и в ближайшем будущем.

Таким образом, при описании процессов движения как в русском, так и во французском языках можно выявить примеры, в которых узус не соответствует языковой логике либо противоречит ей. Подобные примеры представляют интересный материал для сопоставительного и сравнительного языкознания, а также для переводческой практики и в теории перевода (при построении соответствующих моделей перевода).